

ЛІТЕРАТУРНІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ БІОГРАФІЇ

УДК 821.161.1Короленко-32

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА О В. Г. КОРОЛЕНКО: ПОЛИФОНΙΑ МИФА И КОНТЕКСТА

Анастасія Олександрівна Бачинська

nastyabacha@gmail.com

Аспірантка

*Кафедра російського, слов'янського та загального мовознавства
Таврійський національний університет*

Проспект Академіка Вернадського, 4, 95000, м. Сімферополь, Україна

Анотація. Аналізуються походження і функціонування нижегородської легенди про В. Г. Короленка. Позначені й прокоментовані особливості суспільного сприйняття письменника в рамках історико-літературного процесу і архетипових сюжетів.

Ключові слова: автор, літературна особистість, В. Короленко.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. в Нижегородской губернии появились слухи о том, что в губернию прислали „тайного человека” – „племяша иностранного короля”, чтобы следил за местными делами. Люди говорили о каком-то „таинственном „королёнке”” или, иными словами, „королевиче” [5, с. 133; 6, с. 208]. За оваянной подобными легендами фигурой скрывался не кто иной, как писатель В. Г. Короленко.

Цель данной статьи – объяснить подобное общественное восприятие писателя, поскольку в отечественном литературоведении нижегородская легенда о Короленко практически не прокомментирована. Представляется логичным не только соотнести легенду с литературными реалиями того периода, но и рассмотреть её в рамках теории традиционных сюжетов для более глубокого понимания.

М. Горький в очерке „Время Короленко” отмечал, что влияние Короленко в Нижегородской губернии проникало „даже в среду, почти недоступную культурным влияниям”. В воспоминаниях о Короленко Горький приводит слова своего приятеля Пимена Власьева – „обыкновенного, наскоро и незатейливо построенного, курносого русского мужика”, который был дворником каспийского

рыбопромышленника Маркова. Власьев однажды рассказывал Горькому о „каких-то незаконных намерениях своего хозяина” и, „таинственно понизив голос”, сообщил: „Он <рыбопромышленник Марков> бы это дело сварганил, да – Короленки боится! Тут, знаешь, прислали из Петербурга тайного человека, Короленкой зовется, иностранному королю племяш, за границей наняли, чтобы он, значит, присматривал за делами, на губернатора-то не надеются. Короленка этот уже подсек дворян – слышал?” [5, с. 133].

Представление о Владимире Галактионовиче Короленко как о „племяше иностранного короля” возникло вследствие его активной журналистской деятельности в „Новом времени”, „Нижегородском листке”, „Волжском вестнике”. В течение 1885 – 1896 гг., когда Короленко жил в Нижнем Новгороде, он постоянно выступал в печати, обращая внимание на то, о чем в то время не принято было говорить публично: он писал и о мелких недочетах (вроде неправильной нумерации домов в Нижнем Новгороде), и о крупных губернских коррупционных скандалах.

Насколько неудобными были журналистские расследования В. Г. Короленко для фигурантов его публикаций, можно заключить из писательского письма, датированного мартом 1886 г., к профессору Московского университета, редактору журнала „Русская мысль” В. А. Гольцеву: „У нас тут – настоящая баталия. Просвещенный градоправитель Н. М. Баранов (Нижегородский губернатор. – А. Б.) взялся всерьёз искоренять корреспондентов”. В. Г. Короленко указывает в письме и причину этой войны: „Всё дело в том, что любимец Баранова начальник речной полиции Одинцов потопил в Сормове 62 баржи и причинил убытку на ½ миллиона... Обыватель, крайне возмущенный всем этим делом, – сильно воспрянул бы духом, если бы в этом эпизоде здешним Юлиам Цезарям натянули бы нос, и уважение к „настоящей законности” поднялось бы хоть на один градус”. Будучи и писателем, и публицистом, Короленко пишет редактору: „Я со своей стороны, оставив на время „сферу художества”, тоже маленько увлёкся боевым корреспондентским задором. И теперь меня очень интересует вопрос – „кто устоит в неравном споре”” [7, с. 125, 126]. Об этом инциденте вышли статьи Короленко в „Новом времени” от 13 и 23 апреля 1886 г.

Таких эпизодов в журналистской работе Короленко в Нижнем Новгороде было немало. Г. А. Бялый цитирует статью из архива писателя „Год 1891”, которая так и не была опубликована по цензурным соображениям: „Начиная ещё с декабря 1889 года, я сильно увлекся местными интересами, а местные интересы, по

крайней мере, настоящего времени, – почти целиком хищения, хищения, хищения” [2, с. 105]. Короленко пишет о растратах председателя уездного земства г-на Андреева, об экономической афере действительного статского советника, владельца собственного пароходного предприятия М. И. Шипова, о растратах в местном банке. Кстати, серия статей об Александровском дворянском банке имела огромный резонанс. Восемь статей В. Г. Короленко были опубликованы в „Волжском вестнике” в январе 1891 г. (№ 11, 13, 14, 15, 18, 20, 22, 23) с подписью Н. О. Затем они были изданы отдельной брошюрой „Об Александровском банке” без подписи [2, с. 109]. Под влиянием публикаций произвели ревизию банка, в результате несколько директоров были отдано под суд. Неудивительно, что общественная реакция была очень сильной и рождала невероятные догадки, в которых провинциальный публицист превращался в „королевского племяша, приставленного к губернатору”.

В 1892 г. В. Г. Короленко дает еще один повод для возникновения „легенд”: он активно включается в общественную деятельность по борьбе с возникшим в Поволжье голодом. Писатель собирает добровольцев и открывает бесплатные столовые для особенно нуждающихся крестьян. Эта работа впоследствии легла в основу очерка „В голодный год” (1893 г.). С февраля по конец июля 1892 г. Короленко постоянно передвигался между деревнями Лукояновского уезда, особенно пострадавшего от голода. За время лукояновских поездок у местных крестьян сложилось собственное представление о личности В. Г. Короленко.

А. Д. Гриневецкая, в семье которой на Белецком хуторе Короленко жил во время борьбы с голодом в Лукояновском уезде, вспоминает: „Среди местного крестьянского населения его <Короленко> появление вызвало массу разнообразных толков. Из уст в уста передавались легендарные рассказы о каком-то таинственном „Королёнке” (королевиче), который кормит голодающих людей, раздает им бесплатно лошадей” [6, с. 208].

По свидетельству современников, легенда эта была не просто „очень распространена в Нижегородском краю”, но и вышла далеко за его пределы. Горький, например, писал, что слышал её в 1903 г. во Владикавказе от балахнинского плотника (Балахна – город в Нижегородской области). Впрочем, нижегородское происхождение этой легенды сомнений не вызывало. Единственное разночтение касалось персонификации автора этой легенды. Горький считал создателем легенды дворника Пимена

Власьева, о котором речь шла выше, – „человека безграмотного и великого мечтателя” [5, с. 133]. Ещё один литератор из круга общения В. Г. Короленко, С. Елеонский, „утверждал в печати, что легенда о В. Г. Короленко как „аглицком королевиче”, суть „интеллигентная легенда”” [5, с. 133]. Речь идёт о статье С. Елеонского „Два слова о В. Г. Короленко (По поводу одного о нём воспоминания)” [„Курьер”, 1903, № 137].

С. Елеонский – псевдоним Сергея Николаевича Миловского (1861–1911 гг.). Вместе с В. Г. Короленко он работал в общественном комитете по борьбе с голодом в Лукояновском уезде. Как писатель С. Н. Миловский дебютировал в 1895 г. в „Русском богатстве”, где затем главным образом и публиковался. В своих очерках и рассказах писал в основном о быте провинциального духовенства. Сочинения С. Н. Миловского были рекомендованы к изданию „Русскому богатству” В. Г. Короленко, он же посоветовал начинающему писателю взять псевдоним Елеонский – от названия священной горы Елеон в Иерусалиме. В переписке В. Г. Короленко встречаем фамилию Елеонского-Миловского несколько раз. Так, в письме к редактору „Русского богатства” Н. М. Михайловскому от 23 сентября 1900 г. В. Г. Короленко рекомендовал к публикации очерк С. Елеонского „Папаша крестный”. К рекомендации присовокуплена приписка: „Этот очерк тоже не блещет особыми достоинствами, но фигуры нарисованы правдиво и типично. По моему, недурно” [8, с. 66]. А в письме к Н. М. Михайловскому от 2 января 1902 г. В. Г. Короленко характеризует рассказ С. Елеонского „Неизреченный свет” как „совершенно приличный” и „прямо хороший” [8, с. 77, 78]. Оба произведения опубликованы в „Русском богатстве” [1901, № 3; 1902, № 5, № 7]. Между прочим, симпатизировал С. Елеонскому и М. Горький – в 1903 г. он выпустил отдельным изданием сборник рассказов Елеонского в обществе „Знание”.

Словарь Брокгауза и Эфрона представляет С. Елеонского как литератора, пишущего „бойко и колоритно, но краски у него чересчур сгущены”, а „анекдотизм часто вытесняет требования строгой художественной правды” [13]. Вполне логично, что автор, склонный к анекдоту в художественных произведениях, не мог проигнорировать биографический анекдот о Короленко. Представленный Елеонским модус происхождения легенды можно интерпретировать как вариацию на тему социальной роли интеллигента. Такая трактовка в целом созвучна позициям народнического движения 1870–80-х гг.

М. Горький же с помощью Пимена Власьева, на наш взгляд, актуализирует в биографической легенде о Короленко мифологический сюжет о справедливом правителе, переодевающимся простолудином, чтобы узнать подлинную жизнь своих подданных. Сюжет этот встречается во многих произведениях мировой культуры. Становится понятно, что „королевич” и „королёнок” – возник не только из-за созвучия с фамилией писателя, но и вследствие архетипических представлений о справедливом правителе, который стоит на стороне малых мира сего, активно защищает правду и, чтобы иметь о ней представление, путешествует инкогнито по своей стране.

Нужно сказать, что В. Г. Короленко тоже путешествовал и весьма активно. Все его произведения, основанные на нижегородских впечатлениях: и художественные, и публицистические, – в той или иной степени являются результатом этих путешествий и продолжают традиции русского путевого очерка.

По свидетельствам современников, „Короленко за одиннадцать лет довольно-таки основательно исходил и изъездил Нижегородскую губернию”: „Он путешествует совершенно так же, как ботаники, зоологи и геологи экскурсируют за своими материалами” [12, с. 179, 180]. Известно также, что Короленко каждое лето „отправлялся в какую-нибудь экскурсию”: или в один из монастырей Нижегородской губернии, или на Светлояр (озеро, на месте которого стоял легендарный град Китеж), или куда-нибудь дальше по Волге [1, с. 101]. М. Горький в очерке „В. Г. Короленко” приводит состоявшийся между писателями осенью 1892 г. диалог, который характеризует собеседников как бывалых и даже страстных путешественников. „Говорят, вы много ходили пешком? Я тоже, почти все лето, гулял за Волгой, по Керженцу, по Ветлуге. А вы где были?” – спрашивал Короленко у Горького. На краткое описание Горьким своего пути (речь идёт ни много ни мало о трехлетних странствиях по центральной Руси, Украине, Бессарабии, с посещением Крыма и Кавказа) Короленко отреагировал одобрительным восклицанием: „Ого? Хорошая путина! Вот почему вы так возмужали за эти три года почти?” [3, с. 146].

На самом деле на Ветлуге и Керженце Короленко был в 1890 г., а по Волге ездил в 1891 и 1892 гг. Следовательно, поездки эти состоялись не в одно лето, а в течение трёх сезонов. Но эта неточность, на наш взгляд, не меняет сути: разговор ведут два человека, понимающие прелесть пеших путешествий.

Попробуем набросать примерные маршруты Короленко. По мысли Н. М. Масловой, маршрут для путешествия имеет исключительное значение, он зависит от „многих причин объективного и субъективного характера, в том числе от авторской цели, интересов и склонностей”, он же определяет „выбор фактов для анализа и акценты” [11, с. 11]. Безусловно, сам по себе выбор маршрута характеризует литературную личность писателя.

Короленко „ходил” на озеро Светлояр (в июне 1888 г., в июне 1889 г., в июле 1890 г.) не столько в поисках невидимого града Китежа, сколько для сбора наблюдений за „взыскующими града”; дважды посещал Оранский монастырь, ездил в Арзамас (в июне 1890 г.), оттуда пешком двинулся в Саров, в Дивеевский и Понетаевский монастыри. Совершил несколько путешествий по Волге, по Керженцу и Ветлуге. Впечатления его легли в основу художественных очерков „Река играет” (сборник „В помощь голодающим”, 1892), „За иконой” („Северный вестник”, 1887), „На затмении” („Русские ведомости”, 1887), „В облачный день” (1896), „На Волге” (сборник „Памяти В. М. Гаршина”, 1889), „Божий городок” („Русские ведомости”, 1894), рассказа „Птицы небесные” (1889), путевого очерка „В пустынных местах” („Русские ведомости”, 1890). Несколько обособленно стоят „Павловские очерки” („Русская мысль”, 1890), „В голодный год” (1893), „В холерный год” (1893) и „Бытовые очерки” (1896), однако и они написаны на основе нижегородских впечатлений. Совершенно очевидно, что путешествие для Короленко-писателя – это важнейший этап творческого процесса, для Короленко-человека – возможность переместиться в мир природы.

Журналист и сотрудник журнала „Русское богатство” С. Д. Протопопов отмечал, что во время своих экскурсий Короленко фиксировал в записной книжке „впечатления, наблюдения и разговоры”, иногда писателю приходилось „записывать особенные обороты и выражения” собеседников тайком, тогда писатель даже не доставал записную книжку, а „нацарапывал” свои путевые заметки „кое-как, на клочке газеты или даже на доске”. Подчеркивается, что пешие путешествия „с котомкой за спиной” – „любимая манера Короленко для сбора своих материалов”. Протопопов отмечает, что Короленко никогда не искал в путешествиях комфорта; здоровье и неприхотливость писателя позволяли ему легко переносить „и усталость, и дожди, и ночлеги самые неудобные”: „По Ветлуге Короленко поднимается на парходике, не знаящем расписания, а по Керженцу Короленко

спускается в лодочке со своими родственниками-мальчиками. Костры, бивуаки, ночи среди берегового леса – все это приносит только удовольствие” [12, с. 179, 180].

Как видим, образ писателя-путешественника, который ходит „пешком с котомкой за спиной”, прочно закрепляется за Владимиром Галактионовичем Короленко. Таким его воспринимают коллеги-журналисты и писатели. Такой образ был невозможен в русской литературе, например, начала XIX в. Невозможен писатель-дворянин – не просто совершающий пешую прогулку, а именно путешествующий „с котомкой за спиной”, но это становится вариантом нормы в литературе разночинцев второй половины и особенно конца XIX в. В реальности В. Г. Короленко, разумеется, пользовался и железнодорожным, и речным, и гужевым транспортом, но современники в воспоминаниях особый акцент делали на его пеших путешествиях. Следует отметить, что Короленко действительно был опытным пешеходом. Так, в очерке „За иконой” он довольно точно описывает состояние путешественника, прошедшего „с четырёх часов тридцать верст”. Повествование в очерке ведется от первого лица и, учитывая законы жанра, есть все основания отождествлять рассказчика с самим автором: „Плечи отдала котомка, ноги подкашиваются, я почти падаю от усталости... Я повалился на скамью, опершись спиной о стену. Не хотелось ни двигаться, ни развязывать котомку. Чувство особенного наслаждения, когда усталые члены можжат и ноют, но зато все тело отдается ощущению отдыха и покоя, охватило меня всего” [9, т. 3, с. 184, 185].

Свое мнение о способах передвижения Короленко подробно изложил в очерке „В пустынных местах”. Писатель признается, что любит „проселочные дороги, тихо плетущуюся лошадку, наивный разговор ямщика под шум березок, захоластные лесом поросшие речки”. Он признается, что ему не чужды и железные дороги, но не столичные, а „узкоколейные, вроде Костромской, где кондуктора на полустанках бегают по лесу, собирая разбредшихся пассажиров”. Симпатичны писателю и путешествия по судоходным рекам, но не крупным, магистральным, как Волга, центральное значение которой подчеркивал, например, В. В. Розанов, назвав её „Русским Нилом”. Нет, Короленко комфортнее на такой реке, как Сухона, „в которой временами так и кажется, что пароход расплещет её всю своими колесами”, или Ветлуга – „милая красавица” с „кудрявыми берегами”. По таким рекам пароходы ходят без расписания, не причаливают, а „тыкаются носом прямо в берег, точно сонная

рыба”. Но более всего Короленко тянет „на уездные тракты и проселки, по которым так привольно, так мягко идти с котомочкой за спиной” [9, т. 5, с. 225, 226]. Совершенно четко обозначен формат провинциального путешествия.

Интересно, что, будучи любителем путешествий и используя их для писательской работы, Короленко довольно резко характеризует всевозможных странников – „различных искателей правды”. Так, М. Горький дважды приводит слова Короленко на эту тему. В своих воспоминаниях о Короленко он написал о второй встрече писателей в Нижнем Новгороде в конце 1892 г.: „Я снова встретился с В<ладимиром> Г<алактионовичем>. Сидел у него в маленькой тесной столовой и говорил о том, что особенно тревожило меня, – о правдоискателях, о беспризорной бродячей Руси, о тяжелой жизни грязных и жадных деревень. В. Г. слушал, задумчиво улыбался умными и ясными глазами и вдруг спросил: „А заметили вы, что все эти правдоискатели больших дорог – великие самолюбцы?” Конечно, я этого не замечал и был удивлен вопросом. А В. Г. добавил: „И лентяи порядочные, правду сказать...” Он говорил не осуждая, добродушно, и от этого его слова приобретали особый вес, особое значение” [4, с. 117].

В более позднем очерке „В. Г. Короленко” (1923 г.) Горький подробнее описывает разговор с Короленко о странниках: „Рассказывая, я коснулся моих встреч с различными искателями правды, – они сотнями шагают из города в город, из монастыря в монастырь по запутанным дорогам России”. В интерпретации Горького ответ Короленко звучал так: „Чаще всего они – бездельники. Неудавшиеся герои, противно влюбленные в себя. Вы заметили, что почти все они злые люди? Большинство их ищет вовсе не „святую правду”, а легкий кусок хлеба и – кому бы на шею сесть... Хорошие рассказчики есть среди них, – продолжал Короленко. – Богатого языка люди. Иной говорит, как шелками вышивает”. В контексте народнических настроений 80-х гг. XIX в., когда различные „искатели правды”, „взыскующие града” были, по словам Горького, „любимыми героями житейной народнической литературы”, короленковские слова, что они „бездельники, да ещё и злые”, резали слух. И все же Горький пишет: „Это звучало почти кощунством, но в устах В. Г. продуманно и решенно. И слова эти усилили мое ощущение душевной независимости этого человека” [3, с. 147].

Действительно, Короленко не только общался со странниками во время своих экскурсий, но и, заинтересовавшись, нередко

приводил их с собой домой. Племянница писателя М. Н. Лошкарева вспоминала: „Помню, мама рассказывала: „Поднимешься наверх и видишь – у печки греется какой-нибудь странник с котомкой за плечами. И всякий раз другой”” [10, с. 234]. Наиболее запомнившейся окружению Короленко фигурой стал Алмазов – „очень колоритный, но весьма неудобный в общезжитии” человек, который „дал ему обильный материал для фигуры Автономова в „Птицах небесных”” [1, с. 101].

По воспоминаниям М. Н. Лошкаревой, с бывшим семинаристом Алмазовым Короленко познакомился за крестным ходом с иконой Оранской божией матери: „Пришел он голодный, оборванный, босой. Накормив, дядя одел его в свой старый костюм и снабдил деньгами для приобретения „инструмента” для какого-нибудь ремесла, которым он якобы собирался заняться. На некоторое время Алмазов исчез, а затем появился вновь... в прежнем виде. Дядя снова помог ему – и опять с тем же результатом. Так повторялось несколько раз”. В итоге для семьи Короленко знакомство с Алмазовым обернулось некоторыми неудобствами: „Он стал приходить сильно выпивши. Еще далеко от дома слышался его густой „семинарский” бас: „Где тут живет Владимир Галактионович Короленко? Жажду слова Владимира Галактионовича Короленко!” Завидев сидящую у окна бабушку Эвелину Осиповну, он, к ее великому ужасу, сорвав с головы разодранный картуз и театрально раскланиваясь, гремел на всю улицу: „Матушка Владимира Галактионовича? Позвольте поцеловать руку женщине, давшей миру такого человека!” В конце концов, дяде пришлось прекратить эти посещения довольно энергичным образом” [10, с. 234].

Впечатления В. Г. Короленко от знакомства с Алмазовым были настолько сильными, что писатель поспешил поделиться ими с женой, которая в то время была в отъезде. В конце июня 1887 г. он пишет ей из Нижнего Новгорода: „Ходил в Оранки провожать Богородицу. Вернулся с жестокими мозолями <...>, но зато привел с собой такого странника, – отдай всё за него, и то мало. Представь себе нестарого ещё (36 л.) философа семинарии, который вот уже 11 лет странствует по всяким святым местам, побуждаемый к тому „беспокойным духом”” [7, с. 162].

В „Птицах небесных” Короленко описывает Геннадия Сергеевича Автономова как человека „неопределенного возраста, но очевидно ещё не старого”: лицо его „сильно загорело”, а волосы и глаза „как будто выцвели от солнца и непогоды”. Так мог

выглядеть едва ли не любой из тысяч странников, но Автономов внушает „что-то несчастное, чутко настороженное и, пожалуй, злое”. Род своих занятий персонаж определяет так: „Избаловался... Шатаюсь беспутно, куда глаза глядят. Одиннадцать лет...” [9, т. 9, с. 52, 54]. К своим случайным спутникам Автономов обращается не иначе как „синьоры”. В „общезитии” он действительно „весьма неудобен”. Пока спутники вместе добирались с богомолья в Нижний Новгород, Автономов постоянно „творил озорство”: читал раскольничьи проповеди прямо перед воротами православного монастыря, среди ночи пытался вломиться в дом к когда-то обманутой им невесте, открыл шлюзы у мельницы и едва не был бит деревенскими мужиками.

Рассказчик-Короленко, впрочем, как и конкретный автор-Короленко, пригласил Автономова-Алмазова в свой дом, накормил и собрал для него „лишнюю одежду и белье”. Автономов как будто бы собрался жить оседло, найти „должность” и даже проявил определенное благородство, предложив своему товарищу по странствованиям – спившемуся бывшему монастырскому послушнику Ивану Ивановичу – „угол и пищу”. Закончилось всё закономерно трагично: Автономов подаренное пропил, снова пустился бродяжничать. В финальной сцене читатель видит похмельного Автономова на берегу реки рядом с телом его только что погибшего товарища в окружении сельского старосты и группы мужиков: „Маленький странник лежал в своей рыске, грудью на песке, с раскинутыми руками и неестественно повернутой головой”. Короленко сравнивает погибшего с „замученной и раздавленной птицей” [9, т. 9, с. 81, 82]. С одной стороны, мы имеем горький рефрен художественного очерка – „вечные странники”, „птицы небесные”, с другой – слова Короленко о бродягах, приведённые Горьким: „Бездельники, да ещё и злые!”. И в этом нет никакого противоречия, а лишь свидетельство вдумчивого и многопланового понимания темы автором. Причем без короленковского опыта путешествий такое понимание вряд ли было бы возможным.

Как видим, интерпретация нижегородской легенды о В. Г. Короленко в рамках теории традиционных сюжетов даёт более глубокое представление о социальном восприятии писателя и демонстрирует особенности возникновения и функционирования его социо-коммуникативного имиджа.

1. *Богданович Т. А.* В. Г. Короленко в Нижнем / Т. А. Богданович // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров / [под. общ. ред. С. Н. Голубия и др.]. – М. : Гослитиздат, 1962. – С. 93–109.
2. *Бялый Г. А.* В. Г. Короленко / Г. А. Бялый. – Изд. 2-е. – Л. : Худож. лит., 1983. – 352 с.
3. *Горький М.* В. Г. Короленко / М. Горький // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров ; [под. общ. ред. С. Н. Голубия и др.]. – М. : Гослитиздат, 1962. – С. 145–163.
4. *Горький М.* Из воспоминаний о В. Г. Короленко / М. Горький // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров / [под. общ. ред. С. Н. Голубия и др.]. – М. : Гослитиздат, 1962. – С. 114–118.
5. *Горький М.* Время Короленко / М. Горький // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров / [под. общ. ред. С. Н. Голубия и др.]. – М. : Гослитиздат, 1962. – С. 119–143.
6. *Гриневицкая А. Д.* На Белецком хуторе / А. Д. Гриневицкая // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров / [под. общ. ред. С. Н. Голубия и др.]. – М. : Гослитиздат, 1962. – С. 199 – 209.
7. *Короленко В. Г.* Полное собрание сочинений. Посмертное издание / Владимир Короленко. – Т. I : Письма. 1879 – 1887. – [Харьков] : Госиздат Украины, 1923. – 236 с.
8. *Короленко В. Г.* Письма 1888 – 1921 / Владимир Короленко / Труды Пушкинского дома при Российской академии наук ; [под. ред. Б. Л. Модзалевского]. – Петербург : Время, 1922. – 351 с.
9. *Короленко В. Г.* Полн. собр. соч. : в 9 т. / В. Г. Короленко. – СПб. : Издание А. Ф. Маркса, 1914.
10. *Лошкарева М. Н.* Из моих воспоминаний / Н. М. Лошкарева // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров / [под. общ. ред. С. Н. Голубия и др.]. – М. : Гослитиздат, 1962. – С. 233–252.
11. *Маслова Н. М.* Путевой очерк: проблемы жанра / Н. М. Маслова. – М. : Знание, 1980. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. „Литература”; № 8).
12. *Протопопов С.* О нижегородском периоде жизни В. Г. Короленко (январь 1885 – январь 1896) / С. Протопопов // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников : Серия литературных мемуаров / [под. общ. ред. С. Н. Голубия и др.]. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С. 174–198.
13. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/39904/%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА О В. Г. КОРОЛЕНКО: ПОЛИФОНΙΑ МИФА И КОНТЕКСТА

Анастасия Александровна Бачинская

nastyabacha@gmail.com

Аспирантка

Кафедра русского, славянского и общего языкознания

*Таврический национальный университета имени В. И. Вернадского
проспект Академика Вернадского, 4, 95000, г. Симферополь, Украина*

Аннотация. Анализируются истоки и функционирование нижегородской легенды о В. Г. Короленко. Обозначены и прокомментированы особенности общественного восприятия писателя в рамках историко-литературного процесса и архетипических сюжетов.

Ключевые слова: автор, литературная личность, В. Короленко.

NIZHNY NOVGOROD'S LEGEND ABOUT V. KOROLENKO: MYTH AND CONTEXT'S POLYPHONY

Anastasiya Bachynska

nastyabacha@gmail.com

Department of Russian, Slavic and General Linguistics

Taurida national V. I. Vernadsky university

Vernadsky Prospekt, 4, 95000, Simferopol, Ukraine

Abstract. In the article the author researches social and communicative image of writer – the part of his literary identity. In the focus of attention are origin and features of functioning of Nizhny Novgorod's legend about Korolenko. The author analyzes perception of writer by both general population and literati, for example M. Gorky and S. Yeleonsky.

At that time V. Korolenko published anticorruption article in local newspapers, as volunteer helped to fight hunger (1893) and he traveled across region of Nizhny Novgorod. In his literary work he reflected these activities. As well it was a reason, why peasants and the urban poor began to see a “mysterious prince” at him. We found several reasons of prince’s image appearance: 1) surname Korolenko sounds like “korolevich” (prince in Russian), 2) it correlates with actual philosophy of populism and 3) it reflects archetypal conception of just ruler, defending the truth and travelling incognito through his kingdom.

As well V. Korolenko himself used the story of the prince errant. For example in the story “The blind musician” the main character Peter explored the world together with blind beggars and as a result he had got psychological transformation. F. Batyushkov the critic compared this scene with the Bible story of “Proud king Haggai”.

So the author of this article showed and commented features of writer’s public perception within the framework of literary history and archetypal story.

As a result we have an objective view of the perception of Korolenko by his contemporaries and the whole writer's social role in 1880 – 1890's.

Key words: author, literary identity, V. Korolenko.

References

1. Bogdanovich T. A. V. G. Korolenko v Nizhnem [V. Korolenko in Nizhny Novgorod]. In: *V. G. Korolenko v vospominaniakh sovremennikov*. Moscow, 1962, pp. 93–109. (in Russian)
2. Bialyi G. A. *V. G. Korolenko* [V. Korolenko]. Leningrad, 1983, 352 p. (in Russian)
3. Gor'kii M. V. G. Korolenko [V. Korolenko]. In: *V. G. Korolenko v vospominaniakh sovremennikov*. Moscow, 1962, pp. 145–163. (in Russian).
4. Gor'kii M. Iz vospominanii o V. G. Korolenko [From memories of V. Korolenko]. In: *V. G. Korolenko v vospominaniakh sovremennikov*. Moscow, 1962, pp. 114–118. (in Russian).
5. Grinevitskaia A. D. Na Beletskom khutore [On Beletsky farm]. In: *V. G. Korolenko v vospominaniakh sovremennikov*. Moscow, 1962, pp. 199–209. (in Russian).
6. Korolenko V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete set of works]. Kharkiv, 1923, vol. L. Pis'ma. 1879–1887, 236 p. (in Russian).
7. Korolenko V. G. *Pis'ma 1888 – 1921* [Letters 1888 – 1921]. St. Petersburg, 1922, 351 p. (in Russian).
8. Korolenko V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete set of works]. St. Petersburg, 1914, vols. 1–9. (in Russian).
9. Loshkareva M. N. Iz moikh vospominanii [From my memories]. In: *V. G. Korolenko v vospominaniakh sovremennikov*. Moscow, 1962, pp. 233–252. (in Russian).
10. Maslova N. M. *Putevoi ocherk: problemy zhanra* [Travel notes: problems of the genre]. Moscow, 1980, 64 p. (in Russian)
11. Protopopov S. O nizhegorodskom periode zhizni V. G. Korolenko (ianvar' 1885 – ianvar' 1896) [About Nizhny Novgorod period of V. Korolenko's life (January 1885 – January 1896)]. In: *V. G. Korolenko v vospominaniakh sovremennikov*. Moscow, 1962, pp. 174–198. (in Russian).
12. *Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary by Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, 1890 – 1907. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/39904/%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (accessed at 1 January 2013). (in Russian).

Suggested citation

Bachynska A. Nizhegorodskaia legenda o V. G. Korolenko: polifoniia mifa i konteksta [Nizhny Novgorod's Legend about V. Korolenko: Myth and Context's Polyphony]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2012, no. 87, pp. 361–373. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 14.02.2013 р.